

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА В КНИГЕ А. РЕМИЗОВА *ИВЕРЕНЬ*

Ольга Раевская-Хьюз

Книга автобиографической прозы Ремизова *Иверень* охватывает 1896-1903 гг., годы ссылки автора за участие в революционной работе и начала его профессионального писательства — его первых публикаций. В феврале 1954 г., когда у Ремизова была надежда, что его *Иверень* будет принят Чеховским издательством, он писал: «Издание *Иверня* для меня очень важно: я рассказываю, как я стал писать и о своем первом напечатанном, я рассказываю о своих скитаниях, выброшенный, без дома, и о встречах с людьми не нашей породы — 'духами' (кикиморы)». Там же он добавляет: «[*Иверень*] из всех моих книг самая простая, ведь в нее входят все мои '13 квартир'». ¹ *Иверень*, действительно, книга менее сложная, чем мозаичный *Учитель музыки* или *Взвихренная Русь*. Однако в оценке жизненного и литературного пути писателя Ремизова *Иверень* не отказ от прошлого, а подтверждение высказываний и взглядов, известных читателю по его ранним книгам.

В этой работе мы не будем касаться истории революционной деятельности автора или хроники его встреч со знаменитыми — в будущем — современниками (Бердяевым, Савинковым, Луначарским, Щеголевым и др.), а также выяснения Ремизовым собственных литературных корней или его дискуссий о развитии русского литературного языка. За рассказом о встречах в ссылке и о себе, как начинающем писателе, через всю книгу проходят размышления о судьбе человека: сталкиваются фаталистическое принятие судьбы со стремлением жить «по своей воле». Одна из личин автора, которую он надевает в *Иверне*, это герой волшебной сказки. В этом образе Ремизов сочетает «неизменную судьбу», которую не в силах переделать человек, со свободным выбором. Мы попытаемся показать, как автор использует композицию волшебной сказки в своем автобиографическом повествовании.

Хотя слово «иверень» («осколок») привлекало Ремизова и своим звучанием², и смыслом (в контексте книги означающим и «отколовшийся» от семьи и рода, и пошедший своим путем писатель), когда во время переговоров об издании книги был поднят вопрос о «непонятном»

названии, он был готов поступиться этим словом и назвать книгу «Кочевник».³

В письмах периода работы над книгой, он часто называет «кочевником» всю книгу; так названа самая длинная глава, состоящая из 16 отдельных главок; хронологически это ссылка в Пензу (время с Рождества 1896 г. до лета 1900, когда Ремизов был отправлен по этапу в Усть-Сысольск). К первой главе книги («Начало слов») дан подзаголовок: «Запев к 'Кочевнику'». «Кочевник» как бы второе название; это то, о чем книга: в эти годы кочевье — его судьба как ссыльного. Из ссылки Ремизов возвращается писателем, т.е. становится «профессиональным кочевником» — профессиональным бездомным.⁴

Публикация отдельных кусков, рассказов или целых глав, или включение их в разные книги, практика, которой Ремизов постоянно пользовался, — наводит на мысль, что материал в его книгах расположен произвольно, но в действительности это не так. Ремизов часто употреблял выражение «строю свою книгу». В *Иверне* последовательность расположения материала играет решающую роль. В письмах конца 40-х - начала 50-х гг. он неоднократно повторяет, что за «кочевником» следует «сказочное», глава «В сырых туманах». Здесь значительна не только хронология, но и композиция. Рассказ о ссылке и о рождении писателя построен по схеме волшебной сказки.⁵

Само появление героя на свет необычно. Младший в семье, он родился в Купальскую ночь (24 июня 1877 г.): «Своейравная судьба < . . > 'подстригла' мои купальские глаза < . . >. И мне открылась — на какой-то крест мне — странная жизнь на земле непохожих мар и виев. И я заглянул в их круг».⁶ Но рождение его связано не только с волшебным и чудесным, но и с проклятием матери: «Из ее сердца невольно вырвалось жестокое проклятие, и темная горькая тень покрыла мою душу» (16).

Автор отмечает свою непривлекательную, «низкую» внешность: «'Нос чайником' < . . >, глаза пуговики, брови — стрелки, волосы — еж, спина сдужена, рост — карликов, а в особых приметах: 'косноязычный'» (52).⁷ «Вы особенный», — говорит ему попутчица-курсистка по дороге в Пензу, — «Нет, я таких не видала» (55). Разговоры о его необычной внешности заставляют его подумать — «отмеченный». В тоске и одиночестве ссылки рассказчик в конце концов принимает свою особенность не как необычную внешность или неудачливость, а как свой особый путь. В его словах звучит утверждение своей особенности, как своего мира, подчиненного своим законам: «Я так далеко ушел от простого человеческого, и ваше розовое для меня не розовое

и не голубое, а свой цвет со своим вкусом, запахом и голосом. Я живу в другом мире и моя тоска и моя горесть не ваши, я свободный от всяких пут — позволено или запрещено» (96).

Перед началом странствий герой изгоняется собственным дядей из того мира, где он живет. На вечер коммерческого училища, которое он незадолго до того окончил, Ремизов одевается «не по-бальному, а по-своему», на нем «очень нежная, красная косоворотка — взаправку, а поверх, вроде китайской курмы, необыкновенно мягкая кубовая куртка» (47). Этот яркий и необычный наряд — причина изгнания своеговольного и неподчиняющегося правилам племянника его грозным дядюшкой, попечителем училища. В этот момент его судьба еще не решена: в университете он занимается естественными науками, философией и слушает лекции на юридическом факультете. Эпизод изгнания рассказан последним перед началом странствий, о которых вся книга; он становится символом жизни Ремизова вообще: за своеволие он платит изгнанием и одиночеством. Но вслед за публичным изгнанием герой получает немедленное подтверждение своих «сверхъестественных» сил. Выходя из здания, он невольно думает: «А что, если б взять и поджечь?» (48), а наутро газеты сообщают о происшедшем в училище пожаре.

Следующий за этим арест, — неожиданный и случайный, так как Ремизов, по собственному свидетельству, к студенческим кружкам не принадлежал и всего один раз был на собрании «с марксистом и танцами» — открывает период странствий героя. Сосланный в Пензу, Ремизов с жаром принимается за революционную пропаганду, поэтому его вторичный арест — это уже не случайность. Но «Кочевник», в первую очередь, рассказ о «бытовых неудачах», переездах с квартиры на квартиру.

В главе «Кочевник» — первом этапе на пути в страну «полуночного солнца», как Ремизов называет Усть-Сысольск — происходит движение вниз, в глубину, спуск в подземное царство: начальная точка обозначена как верх — антресоли, конечная как низ — в подвале. Недостатки и ограничения многочисленных пензенских квартир с неизбежностью предсказывают тюрьму: на одной квартире он страдает от холода («Козье болото»), на следующей от однообразной пищи («Блины»), «в номерах» от голода, еще на одной квартире ограничено место и «полуокно» под потолком («В стойле»), в следующей комнате перед окном стена («В курятнике»), квартира с «ходом в окошко» затрудняет доступ в комнату, лишённую всяких удобств. Когда он поселяется «за занавеской», к нему перестают ходить знакомые, так как надо прохо-

дить через комнату другого жильца.

Квартира, в которой рассказчика арестовывают, мало чем отличается от тюремной камеры; он живет в полупустой подвальной комнате: «Нечего обыскивать, некуда лазить и ворошить. Один только мой портфель с заветными тетрадами и новенькие книги» (134). Так как это период его революционной работы, у него никто не бывает. «В подвале» это последняя ступень перед окончательным спуском в подземное царство — в тюрьме он проведет больше года.

Попытка революционной работы, работы с людьми, ведет героя к краху, это не его путь, его путь особенный и одинокий. Последовательное ухудшение его обстоятельств в этой главе подчеркнуто еще тем, что, хотя его квартиры имеют какие-то существенные недостатки, которые часто являются причиной переезда, на новой он неизменно с сожалением вспоминает старую (переехав из холодной квартиры в теплую, он думает о старой: «как мне было там все-таки хорошо»).

Глава заканчивается отправлением по этапу в более отдаленную и суровую ссылку и поэтому здесь звучит неожиданно: «И вдруг я почувствовал себя — за сколько лет в первый раз — свободным» (153). Парадоксальность этого утверждения оправдана тем, что освобождение здесь внутреннее. Это переломный момент, новое рождение: революционер умер в тюрьме в Пензе, писатель родился в Усть-Сысольске.

Заключение в тюрьму в Пензе и ссылка в Усть-Сысольск соответствуют «потустороннему миру» волшебной сказки, откуда герой возвращается выдержавшим испытания, победителем. После выхода из тюрьмы Ремизов чувствует себя как «выходец с того света» (141). В центральной главе книги «В сырых туманах» герой максимально удален от своего мира, он находится в мире «полуночного солнца» и полярной ночи, здесь у него происходит встреча с «духами» — в эту главу включен рассказ о кикиморе. Отсюда же начинается физическое возвращение героя, перемещение с северо-востока на юго-запад, сначала в Вологду, откуда он совершает короткую поездку в Москву, предваряющую его окончательное возвращение.

Коротенькое вступление к главе задает тон: автор оказывается на севере, на «заколдованной земле» и первое его чувство — тоска: «И только что ступил я на берег и очутился за алой изгородью частых кустов шиповника, сразу почувствовал — мое сердце поворотилось — и тоска обожгла мне душу» (157). В этой главе Ремизов выступает и как книжник, и как сказочник. Соединены эти оба аспекта органически, так как здесь он пересказывает «на свой лад» рассказ Ореста

Сомова «Кикимора».⁸ В этой главе множество литературных реминисценций. Отсылки к литературе русского романтизма готовят читателя к следующему фантастическому — сказочному — рассказу.

Рассказ про семью хозяйки, где поселится рассказчик, начинается как сказка. У нее три дочери: старшая, по профессии учительница, воплощает рациональное, человеческое, современное начало; вторая — «зырянка» — начало зверино-чистое, животное, она — «все-таки человек»; и младшая дочь — иная, отмеченная, как в сказке.⁹ Она лунатик и ее выбирает себе в подруги кикимора. Наделенная необычайной чуткостью, младшая дочь олицетворяет нездешнее, потустороннее в человеке. Отмеченная девочка умирает, задушенная поцелуем кикиморы.

Также как и в пересказах древних легенд, где Ремизов переносит чудесное в современность, и здесь фантастическое входит в современное и бытовое. Рассказ о кикиморе отнесен к семье, в чьем доме он живет, члены этой семьи реальные персонажи, с которыми он ведет разговоры, они ходят в школу, работают и т.д.

На уровне писательской биографии, в Вологде, куда Ремизов переезжает из Усть-Сысольска, начинается «реализация писательства». Вологодская ссылка — это время появления в печати его первого произведения, стихотворения в прозе «Плач девушки перед замужеством», истории публикации которого уделено значительное место в книге. В Вологде Ремизов, начавший писать в тюрьме, впервые попадает в общество современников-литераторов. В дальнейшем по разному прославившиеся Бердяев, Савинков, Луначарский и Щеголев, как и Ремизов, только начинают печататься.

К пребыванию в Вологде, где была написана первая редакция романа *Пруд*, приурочено осознание себя писателем; здесь впервые появляются черты, которые до конца жизни останутся характерными для Ремизова-писателя: «Все дни я пишу или, вернее, в тысячный раз переписываю написанное». Именно с этим периодом автор связывает свой окончательный отход от революционной деятельности и, как следствие этого, утверждение собственной свободы: «В 'революционеры' я себя не предназначаю, на 'подпольное' и 'партийное' дело не гоюсь, меня тянет на простор — на волю, без оглядки и 'что хочу', а не то, 'что надо', — по своей воле и пусть в темную, но отвечаю сам за себя» (204).

Хотя к годам юности, учения и профессионального самоопределения без особого труда приложима схема странствий и инициации, биография Ремизова дает богатый материал для сближения ее со ска-

зочной схемой: в жизни Ремизова поиски себя как писателя как раз совпали с ссылкой и с вынужденными странствиями в далекой стороне. В повествовании рассыпаны многочисленные сказочные детали, присутствие которых никак нельзя считать случайным.

В главке «На курьих ножках» («Кочевник») хозяйка, «бабушка Иванова», — это обобщенный антагонист-вредитель волшебной сказки. Ее роль уже намечена в описании ее дома: «На курьих ножках — на собачьих пятках, если идешь по Козьему болоту, на краю, по левую руку, на просухе, эта ягина избушка, другой нет, — дом бабушки Ивановой. Днем его не сразу заметишь, черный, в землю врос, а при месяце не ошибешься: то перед, то повернется задом, то пропадет» (140). «Бабушка» олицетворяет всех недооценивающих и преследующих героя, от вологодского губернатора и местной полиции до старых писателей и товарищей-революционеров. Она относится к нему подозрительно с самого начала; проникает он в избушку в ее отсутствие по приглашению ее внука. Вернувшись, бабушка обвиняет героя в краже серебряных ложек и изгоняет его, таким образом недоверие и подозрение оборачиваются ложным и, добавим, заведомо абсурдным, «классическим» обвинением.

К элементам «сказочности» следует отнести «тройные» и «двойные» появления персонажей. В следующих главах исторические лица вводятся в текст сказочной формулой и мифологическим обозначением: «Жили-были на Вологде три титана», эта формула повторяется: «жили-были на Вологде два еркула», «а на Москве два демона». Исторические лица обозначаются мифологическими именами: титаны, геркулесы, демоны. Сказочные «тройственные» появления продолжают: «В тот год (1902) три новых имени в русской литературе и все три под псевдонимом» (211). До появления Ремизова в печати, друзья, играющие роль посредников, обращаются с его первыми рассказами к трем современным знаменитым писателям (Горькому, Короленко и Чехову).

В рассказе у героя множество помощников. В «Кочевнике» это товарищи, которые находят ему квартиры и перемещают его с одной на другую почти волшебными средствами. При одном переезде с квартиры на квартиру рассказчик восклицает: «Но о чем я мог предупредить, когда сам я хочу или не хочу, как котенка за шиворот, водворили в рай к Тяпкиной» (71). Значительна роль помощников в Вологде. Здесь помощниками выступают исторические лица: Савинков и Щеголев спасают героя от дальнейшего преследования, в данном случае полицейского, — отправки назад в Усть-Сысольск. В своих странствиях герой не выбирает свой путь, он пассивен, как и

подобает герою волшебной сказки: его *отправляют, переводят, перевозят* или *спасают* — и жандармы, и друзья.

Находим в рассказе и шутовское обыгрывание «неузнавания» героя. В волшебной сказке герой возвращается домой и остается неузнанным. В первую нелегальную поездку из ссылки в Москву Ремизов из конспирации едет переодетым — в форме ученика Пензенского землемерного училища — в не по росту и размеру больших шинели и фуражке, с обритой головой и без очков. Когда он появляется на пороге дома, мать встречает его смехом: «Что это ты чучелой? <. . .> рядиться тебе зря: из всех узнают» (92-93). Еще одна деталь: в письмах Ремизов называет *Иверень* историей современника с «Каиновой печатью», что соответствует в сказке клеймению, по которому героя узнает царевна. «Каинова печать» — это его отмеченность и отверженность.

В волшебной сказке, выдержав испытания, герой получает полцарства и царскую дочь. В *Иверне* немало женских персонажей, но все они второстепенны; та, которую в конце концов добывает герой, является ему во сне задолго до ссылки — в том первом сне, который он видит в 14 лет, когда он впервые надевает очки — открывает человеческий мир и теряет свой фантастический. Во сне он получает волшебное средство:

И вижу, из леса — и идет на меня: ее зеленые волосы пушатся без ветра, глаза как две ягоды. Она ничего не говорит, но ее губы, как этот ручей — затаившееся живое сердце, меня зовут. «Лесавка!» — подумал я. И в ответ мне она протянула руки: в одной руке алело кольцо, а в другой держала она наливное, как мед, золотой налив. И я почувствовал, что это мне — это мое яблоко. Я взял его в руки — и горячо овеяло меня до глубины — до самого сердца и было похоже на содрогавший меня хлив накатывающих слов (23).

«Кочевник» открывается прощанием с прошлой жизнью. Встреча с первой женщиной после тюрьмы, курсисткой в вагоне поезда, увозящего его в ночь под Рождество из Москвы, становится символом разлуки и в то же время напоминанием о «лесавке» с волшебным яблоком: «вдруг я увидел, как два русалочьих глаза большим пытливым глазом, не отрываясь смотрят на меня» (53). Элемент волшебства, узнанный в курсистке, не оставляет его и дальше. Начало жизни в Пензе проходит под знаком гоголевских полетов в ночь под Рождество.

В первую ночь в Пензе он видит сон, в котором мельничиха, в доме которой он ночует, преображается в неуловимую и печальную «ведьму». Стараясь догнать санный поезд, где ему не осталось места, он берет забытую ею ивовую палку и на ней летит за санями:

— Ночь. По дороге снег. Луна.

Я поставлю палку в снег — закручу и мчусь.

И крутя я мчусь. И я мчусь за ветром, шибче ветра и быстрее луны.

Черные по белому сани бегут — сани за санями — колокольчики позванивают. На последних санях, вижу: она закутала платком себе плечи — снег по серой печали припорошил серебром. И белые в серебре кусты (61-62).

В этом сне дар грустной ведьмы — ивовая палка, при помощи которой герой старается ее догнать, в конце оказывается уже ненужной, он летит и без нее: «И в отчаянном последнем взвие моя ивовая палка пополам. И крутя луной, кружу — ветер — я — луна» (62).

Эта загадочная и грустная ведьма «Ивица» — муза юного писателя; из Вологды Ремизов уезжает не только печатающимся автором, но с уже написанным ранним вариантом романа *Пруд*.

Преследования, которым подвергается герой, не только полицейские; его ранние рассказы отвергаются известными писателями, но герой не дает себя проглотить: ему помогают сверхъестественные существа — демоны — представители нового искусства, и его вещи появляются в печати, невзирая на строгий приговор знаменитых. Волшебная помощница помогает и здесь. Ремизов подробно описывает недоразумение, благодаря которому, по его мнению, он появился в печати: автора «Плача девушки перед замужеством», скрывшегося под псевдонимом, сочли женщиной.

Герой, выдержавший испытания и получивший награду, возвращается в тот мир, из которого был изгнан, уже не пассивным, а свободно выбирающим свой путь, так что в конце жизни он может с уверенностью сказать:

Я прожил полную завидную жизнь — ведь, одно то, что я и пишу, и читаю, и рисую только для своего удовольствия, и ничего из-под палки и ничего обязательного! — но и трудно: вся моя жизнь, как крутая лестница (17).

Иверень по тону отличается от *Учителя музыки*, автобиографической книги, посвященной эмигрантской жизни автора; *Иверень* более мужественная книга, в ней много «недоразумений» и разных жизненных неудач, но меньше жалоб на жизнь, и есть принятие своей судьбы, как свободного выбора.

Калифорнийский университет, Беркли

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Кодрянская. *Ремизов в своих письмах* (Париж, 1977), стр. 352.
2. *Там же*, стр. 311.
3. *Там же*, стр. 352.
4. Называя его «обезьяньим царем Асыкой», В. Шкловский применяет образ кочевника к Ремизову как писателю-новатору, создающему «новую» книгу: «Как корова съедает траву, так съедаются литературные темы, вынашиваются и истираются приемы. Писатель не может быть землепашцем: он кочевник и со своим стадом и женой переходит на новую траву <. . .>. Обезьянье войско не ночует там, где обедало, и не пьет утреннего чая там, где спало. Оно всегда без квартиры». В. Шкловский. *Zoo, или письма не о любви, Собрание сочинений в трех томах*, т. 1 (М., 1973), стр. 182. Ср. также стихотворение Вяч. Иванова «Кочевники красоты» (1904).
5. См.: В. Я. Пропп. *Морфология сказки* (М., 1969), а также: Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал, «Проблемы структурного описания волшебной сказки», *Труды по знаковым системам*, IV (Тарту, 1969).
6. Алексей Ремизов. *Иверень* (Беркли, 1986), статья и примечания О. Раевской-Хьюз. Стр. 172. Дальше ссылки на это издание даются в тексте.
7. См. также стр. 12 и др. О «низкой» внешности см.: Е. М. Мелетинский, «Низкий» герой волшебной сказки», *Герой волшебной сказки* (М., 1958).
8. См. примечания к этой главе в кн. *Иверень*.
9. Трех сестер можно рассматривать также, как дальнейшее развитие женских образов в главе «Кочевник» — от русалочной курсистки и волшебной мельничихи-ведьмы до растительно-животных квартирных хозяек и их дочерей, как луковая Лукреция или дочь одной квартирной хозяйки, в которой много от «молочной телки».